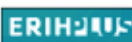
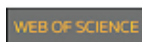

Ишин А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов : национальные, идеологические, структурные особенности / А. В. Ишин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 395—414. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414.

Ishin, A. V. (2022). Insurrectionary Movement of “White-Greens” in Crimea in First Half of 1920s: National, Ideological, Structural Features. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 395-41400. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414

**Повстанческое движение
«бело-зеленых» в Крыму
в первой половине
1920-х годов:
национальные,
идеологические,
структурные особенности**

Ишин Андрей Вячеславович

orcid.org/0000-0001-6513-4198

доктор исторических наук, доцент
кафедра истории России
a.ischin@yandex.ru

Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 21-09-43110 «Взаимоотношения
партийно-государственной власти
и полиэтнического общества в ходе
реализации национальной политики
(на материалах Северо-Кавказского
Края и Крымской АССР, 1920-е г.)

**Insurrectionary Movement
of “White-Greens” in Crimea
in First Half of 1920s:
National, Ideological,
Structural Features**

Andrey V. Ishin

orcid.org/0000-0001-6513-4198

Doctor of History, Associate Professor,
Department of History of Russia
a.ischin@yandex.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by the Russian Foundation for Basic
Research project number 21-09-43110
“Relationships between party-state
power and a multi-ethnic society
in the course of the implementation
of national policy (based on the materials
of the North Caucasus Territory
and the Crimean ASSR, 1920s)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности повстанческого движения «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов. Указывается, что всестороннее исследование его национальных, идеологических, структурных особенностей имеет принципиальное значение для комплексного научного осмысления характеристик заключительного этапа гражданской войны в России, а также для проекции исторической ситуации на новейшую историю Крыма и юга России в целом. Проанализированы материалы пяти фондов Государственного архива Республики Крым, данные периодической печати рассматриваемого периода, опубликованные документальные и нарративные источники. Выявлены причины генезиса, основные этапы, национальные, идеологические, структурные особенности повстанческого движения, охарактеризованы причины его итогового поражения. Выводы, полученные автором в ходе работы, позволяют обозначить новый вектор в осмыслении социальных движений, непосредственно влияющих на характер этнонационального развития послереволюционного Крыма и юга России. Отмечается, что данное исследование правомерно рассматривать в свете изучения истории гражданской войны на юге России, продолжавшейся уже после ликвидации ее «внешних» фронтов. Автор предлагает системный подход к изучению повстанческого движения в Крыму.

Ключевые слова:

гражданская война; повстанческое движение; бело-зеленые; национальные особенности; Крым.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the “white-green” rebel movement in the Crimea in the first half of the 1920s are considered. It is indicated that a comprehensive study of its national, ideological, structural features is of fundamental importance for a comprehensive scientific understanding of the characteristics of the final stage of the civil war in Russia, as well as for the projection of the historical situation on the recent history of the Crimea and the south of Russia as a whole. The materials of five collections of the State Archives of the Republic of the Crimea, the data of the periodical press of the period under review, published documentary and narrative sources are analyzed. The causes of the genesis, the main stages, national, ideological, structural features of the insurrectionary movement are revealed, the reasons for its final defeat are characterized. The conclusions obtained by the author in the course of the work make it possible to designate a new vector in the understanding of social movements that directly affect the nature of the ethno-national development of the post-revolutionary Crimea and southern Russia. It is noted that this study can be legitimately considered in the light of studying the history of the civil war in the south of Russia, which continued after the liquidation of its “external” fronts. The author offers a systematic approach to the study of the insurgent movement in the Crimea.

Key words:

civil war; insurgency; white-green; national features; the Crimea.

Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности

© Ишин А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение протестных социальных движений, охвативших ряд регионов бывшей Российской империи на заключительном этапе гражданской войны и сразу после ее завершения, актуально по нескольким причинам:

— во-первых, это важно с точки зрения научного понимания причин массового сопротивления на региональном уровне установлению большевистской модели Советской власти;

— во-вторых, обогащается научный взгляд на социально-структурную специфику гражданского противоборства в условиях финального этапа Великой Российской революции;

— в-третьих, высвечиваются новые грани в понимании взаимоотношений партийно-государственной власти и полиэтнического общества в ходе реализации национальной политики.

Крым, который с февраля 1917 года по ноябрь 1920 года семь раз испытал смену политических режимов, стал регионом, в котором антибольшевистское повстанческое движение со своими национальными, идеологическими и структурными особенностями с разной степенью интенсивности развивалось с конца 1920-го вплоть до 1923 года, а латентные проявления (главным образом в политико-идеологической сфере) гражданского противоборства остро ощущались на протяжении всей первой половины 1920-х годов, то есть периода, именуемого в советской историографии «восстановительным». Перечисленными факторами обусловлены территориальные (Крымский полуостров) и хронологические (1921—1925 годы) рамки представленной работы.

Научная проблема начиная с 1920-х годов до настоящего времени исследовалась по преимуществу фрагментарно. Ряд аспектов, касающихся организации и деятельности ряда повстанческих групп, рассматривался ранее автором статьи [Ишин, 2002; Ишин и др., 2016; Ишин, 2018].

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании антибольшевистского повстанческого движения в Крыму с учетом его специфики. При этом в научный оборот вводится ряд архивных материалов из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи заключается в комплексном исследовании национальных, идеологических, структурных особенностей повстанческого движения в Крыму.

Анализ историографии проблемы позволяет выделить три основных периода: первый (1920-е — середина 1950-х годов), второй (середина 1950-х — 1990-й годов) и третий (1991 год — по настоящее время), которые различаются исходя из критериев полноты, системности и объективности исследования.

Среди работ, относимых к первому периоду, значителен фундаментальный труд С. П. Мельгунова [Мельгунов, 1990]. Книга была написана в эмиграции и впервые издана в 1923 году в Берлине. В работе имеется специальный раздел — «Крым после Врангеля», где достаточно скрупулезно исследуется политика красного террора, упоминается и о деятельности групп «бело-зеленых». Кроме того, в историографии этого времени показателен научный сборник «Десять лет Советского Крыма» [Десять лет ..., 1930], посвященный десятилетию советизации региона. В данном коллективном труде дается обзор экономического и политического положения Крымского полуострова в «восстановительный» период, при этом «борьба с остатками осевшей в Крыму контрреволюции» расценивается как важная составляющая «первых трех лет советского строительства в Крыму» [Там же].

Второй период историографии по данной теме связан в первую очередь с коллективными работами, среди которых [Очерки по истории Крыма, 1964; Борьба большевиков за власть Советов в Крыму, 1967; История городов и сел Украинской ССР. Крымская область, 1974] и ряд других. Большое значение в историографии рассматриваемого периода имеют и авторские работы [Семин и др., 1957; Надинский, 1958; Петров, 1970; Орлов, 1987]. Авторы указанных трудов подробно исследуют деятельность Крымского революционного комитета и Областного комитета РКП (б), рассматривают отдельные аспекты в деятельности органов Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и других «военно-революционных» структур, а также некоторых повстанческих формирований.

Третий период, в значительной мере характеризующийся деидеологизацией исторической науки, выявил крайне важные векторы исследовательской инициативы, обусловленной как публикацией ранее закрытых архивных источников, так и анализом сложных исторических процессов в фокусе объективного научного поиска. Так, К. А. Марков [Марков, 1995] и А. В. Тимошук [Тимошук, 1996] на обширном фактическом материале рассматривают вопросы союза власти большевиков с Н. Махно и последующего уничтожения возглавляемого им движения после победы над Вран-

гелем. Ликвидация «махновщины» непосредственно коснулась Крымской группы С. Каретникова, определенная часть которой вошла впоследствии в состав антибольшевистских формирований.

В работе Н. Е. Дементьева и А. Г. Зарубина [Дементьев и др., 1993] содержатся важные сведения о деятельности чрезвычайных органов «по борьбе с бандитизмом», при этом вооруженное сопротивление на полуострове в 1921—1922 годах оценивается как продолжение гражданской войны.

При подготовке статьи мы опирались на комплекс опубликованных и архивных источников, а также на данные периодической печати рассматриваемого периода, которые исследовались нами системно, на основе фундаментальных принципов объективности и историзма, а также на документальные и нарративные источники.

Важным документом эпохи, рассматриваемым в данном исследовании, является докладная записка члена Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей М. Х. Султан-Галиева «О положении в Крыму» [Султан-Галиев, 1996]. Будучи командированным в Крым для изучения положения дел, М. Х. Султан-Галиев находился на полуострове с 13 февраля по 29 марта 1921 года. Результатом его работы стал развернутый доклад, в котором видный представитель Советской власти разоблачил творимый в Крыму произвол. Докладная записка содержит ценные сведения об особенностях проведения военно-коммунистической политики, о красном терроре и его последствиях, о зарождении повстанческого антибольшевистского движения.

Ценным нарративным источником являются заметки очевидца «В Крыму после Врангеля» [В Крыму ..., 1996]. «Заметки» представляют собой воспоминания человека, который был свидетелем жизни в «послеврангелевском» Крыму. В них содержатся сведения о беззакониях, грабежах, красном терроре, чинимых представителями Советской власти, а также об экономическом положении населения Крыма, общественных настроениях, отдельных проявлениях деятельности повстанческих антибольшевистских отрядов.

Кроме того, мы обратились к автобиографической эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» [Шмелев, 1991], которая по существу является уникальным историческим источником, облеченным в художественную форму. Произведение посвящено трудным месяцам жизни писателя в Крыму в 1918—1922 годах. Основной временной отрезок, на котором базируется сюжетная линия, начинается с августа 1921 и заканчивается весной 1922 года. Автор описывает ужасы красного террора и голода, военно-коммунистической политики «революционных» властей Крыма, в эпопее можно почерпнуть сведения и о вооруженном антибольшевистском

движении. При работе с этим, несомненно, очень значимым источником нужно иметь в виду, что писатель зачастую руководствовался рассказами, впечатлениями своих знакомых, в некоторых случаях слухами, поэтому его данные требуют соотнесения с архивными документами.

В настоящей работе использован комплекс архивных источников, хранящихся в фондах Государственного архива Республики Крым, систематизация и анализ которых имеют определяющее значение в исследовании заявленной темы. Документы фонда 1 (Крымский обком РКП(б)) содержат уникальные сведения о характере вооруженного антибольшевистского движения в первой половине 1920-х годов и методах борьбы с ним. Фонд содержит многочисленные оперативные материалы крымских органов Всероссийской чрезвычайной комиссии о деятельности различных антибольшевистских организаций, их национальных, идеологических, структурных особенностях. Большое значение имеют информационно-аналитические сведения об экономической и политической ситуации в крымских округах.

Фонд Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР) содержит сводки Государственного политического управления (правопреемник ВЧК) «об экономическом и политическом состоянии Крыма», позволяющие составить целостное представление о настроениях крымского населения, о национально-религиозных векторах политической агитации антибольшевистской направленности.

В материалах фонда Р-1188 (Крымский революционный комитет) содержатся данные о характере и динамике повстанческого антибольшевистского движения «бело-зеленых» и формах борьбы с ним, служебная переписка Крымского революционного комитета с органами Всероссийской чрезвычайной комиссии, крымской милиции о специфике общественно-политической ситуации в Крыму в начале 1920-х годов.

Фонд Р-1881 (Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности) в значительной мере раскрывает для исследователя не только принципы судопроизводства в крымских органах ВЧК, состав судебной коллегии центрального органа ЧК на полуострове, но также и ряд характерных проявлений протестных настроений крымского населения в 1921 году.

Документы фонда Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР) содержат телеграммы штаба 6-ой Отдельной Крымской коммунистической бригады особого назначения командирам батальонов о состоянии оперативной обстановки в Крыму, сообщения о военных действиях Частей особого назначения Крыма, оперативные сводки, напрямую затрагивающие вопросы динамики развития «политического бандитизма», его идеологические и структурные особенности.

Наряду с опубликованными и архивными источниками в статье использованы материалы периодической печати, а именно официального печатного органа Крымского революционного комитета, Крымского обкома РКП (б) и Крым ЦИКа — центральной крымской газеты «Красный Крым», которые содержат информацию по экономическому, социальному и политическому развитию полуострова. Сведения, почерпнутые из газеты, способствовали выявлению причин антибольшевистских выступлений, основных векторов борьбы с большевистской моделью Советской власти, особенностей противодействия повстанчеству как социальному протестному движению.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Факторы зарождения и социальная структура повстанческого движения «бело-зеленых»

В советских документальных и нарративных источниках, а также в исторической литературе прочно утвердился взгляд на вооруженное антибольшевистское движение, развивавшееся уже после победы большевиков над Белыми силами Юга России, как на «политический бандитизм». Наряду с этим было выдвинуто, с нашей точки зрения, совершенно обоснованное положение о том, что это движение явилось составной частью гражданской войны в Советской Республике. Такого мнения придерживались полководцы, непосредственно руководившие борьбой против вооруженной контрреволюции, такие как М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, Р. П. Эйдеман и др. [Трифонов, 1964, с. 3]. В советской историографии данную точку зрения разделял И. Я. Трифонов [Трифонов, 1964, с. 3] и некоторые другие исследователи.

По нашему мнению, вооруженное противоборство между антибольшевистскими силами и органами Советской власти на Крымском полуострове в первой половине 1920-х годов вполне правомерно рассматривать как составную часть продолжавшейся гражданской войны. Примечательно, что аналогичного мнения, как свидетельствуют многочисленные документы, придерживалось и руководство Крымской чрезвычайной комиссии. Как явствует из используемых нами источников, значительную часть которых представляют оперативные материалы органов ВЧК и ЧОН, в 1921—1922 годах мы можем говорить об организованном антибольшевистском движении. 1923 год уже характеризуется, скорее, эпизодическими, несистемными, проявлениями вооруженной борьбы.

Появление и генезис движения «бело-зеленых» имели в своей основе ряд причин. Важнейшими среди них явились политика военного коммунизма, выразившаяся во взимании продразверстки, реквизициях, запрете частной торговли и сопровождавшаяся повсеместными многочисленными

злоупотреблениями, а также масштабный террор, инициированный центральной властью и нанесший ощутимый удар по всем слоям населения Крымского полуострова. «Население долго жило надеждой на приход кого-либо из иностранных войск на помощь, но когда мечты все были разбиты, то стали помаленьку приспосабливаться к жизни под большевистским ярмом и смирились с духом», — читаем в рассказе одного из очевидцев тех событий [В Крыму после ..., 1996, с. 62]. Член Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР М. Х. Султан-Галиев в докладе «О положении в Крыму» отмечал: «У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба» [Султан-Галиев, 1996, с. 96].

Приведенные выводы подтверждаются и архивными документами. Так, по данным «информационных наблюдений» органов ВЧК за 1921 год, «заметно недовольство на почве плохого питания и не производящимся обследованием одежды и обуви рабочих...» [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 22], «трудящиеся массы <...> настроены враждебно» [Там же, л. 68 об.], «настроение <...> населения невозможное» [Там же, л. 74].

Подобные настроения, подкрепляемые к тому же страшным голодом, продолжали сохраняться и в 1922 году. Так, в суточной сводке Крымской ЧК от 10 января 1922 года говорится, что у населения «настроение угнетенное <...> отношение к Компартии безразличное <...> отношение к продналогу и к другим повинностям весьма враждебное» [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 8—9]. В той же сводке отмечен ряд случаев проявления открытого недовольства. Так, например, в одном из сел Джанкойского округа «на общем собрании крестьян 3 января слышались выкрики: “Идемте и разобьем загконтору (заготовительную контору. — *А. И.*) и продсклады и достанем себе хлеба”» [Там же, л. 8]. В Бакальском районе Евпаторийского округа «толпа в количестве 250 человек хотела разгромить ссыпункты (ссыпные пункты. — *А. И.*) загконторы на пристани Бакала» [Там же].

С примерами недовольства населения мы сталкиваемся и в период относительной социально-экономической стабилизации — в 1923—1925 годах. Так, по данным Государственного политического управления, севастопольские рабочие выражали «недовольство на несвоевременную выдачу жалованья, низкие ставки, отсутствие кредитования» [ГАРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 8, л. 53], сильное недовольство наблюдалось среди рабочих Керченского государственного металлургического завода, «на почве снижения зарплаты <...> обострились взаимоотношения с администрацией» [Там же, л. 59], «отмечено <...> недовольство рабочих Феодосийской табачной фабрики» [Там же, л. 68].

Таким образом, становится вполне очевидным, что большевистская модель Советской власти в Крыму в первой половине 1920-х годов дер-

жалась в значительной мере на штыках красноармейцев, которые жили «отдельной семьей, нисколько не заражаясь психологией окружающей массы» [Там же, л. 9]. Несомненно, что существовавший в эти годы моральный климат служил благоприятной почвой для развития всех форм контрреволюции.

Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период в Крыму оставалось немало тех, кто изначально не принимал большевизм, находясь к нему в активной или латентной оппозиции (бывшие помещики, представители «старорежимного» чиновничества и интеллигенции, предпринимательской корпорации и т. п.). Эта оппозиционность усиливалась фактором тяжелой экономической ситуации начала 1920-х годов, нерешенностью национально-культурных проблем.

Социальная структура повстанческих групп «бело-зеленых» включала в себя, наряду с представителями упомянутых ранее привилегированных слоев, крестьян, составлявших главную опору этого движения, жителей городов, бывших махновцев, а также откровенно уголовные элементы. Нередко эти отряды возглавлялись бывшими белогвардейцами, которые не явились на регистрацию согласно указанию (и посулам амнистии) главы Крымского ревкома Бела Куна и потому уцелели в ходе массовых бессудных расправ конца 1920 — начала 1921 годов.

3.2. Динамика и политико-идеологические особенности повстанческого движения «бело-зеленых»

Начало активной деятельности повстанцев (насчитывалось 8—10 тыс. человек) датируется началом декабря 1920 года [Петров, 1970, с. 132; Колонтаев, 1995, с. 62]. Были убиты некоторые представители Советской власти, совершались нападения и подрывы хозяйственных объектов.

Несмотря на ряд успешных операций, проведенных органами Всероссийской чрезвычайной комиссии в феврале — марте 1921 года, в ряде уездов Крыма для большевистского руководства полуострова складывалась крайне неблагоприятная ситуация [Петров, 1970, с. 129]. В мае — июне 1921 года повстанческим отрядам «бело-зеленых», сгруппировавшимся в горнолесной части полуострова и включавшим в свой состав представителей основных национальностей Крыма (русских, украинцев, крымских татар), в значительной мере удалось существенно затруднить работу местных ревкомов.

По данным Крымской областной чрезвычайной комиссии (КОЧК), некоторые группы «именуют себя полками и отрядами, в которых имеется распределение единиц на роты и сотни» [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 73]. Показательным примером в этом отношении является формирование ротмистра Абадзе. Все бойцы его отряда были разбиты на шесть сотен, причем боль-

шей из них была конная сотня под командованием П. П. Платонова. Были также сформированы штаб под руководством есаула «Сергея Дмитриевича» и «политическая группа», в состав которой вошли два представителя от мусульманства и один от белогвардейского офицерства. Причем в сводке подчеркивалось, что «эта группа выпускает воззвания исключительно национального характера к татарскому населению». Согласно донесению вырвавшегося из плена «зеленых» красноармейца, командующего взводом, группа Абадзе «занимается грабежом, берет на мельнице советскую муку, излишек которой раздает крестьянам, чем привлекает на свою сторону население <...> разведка развита до невероятности: знают численность гарнизона, когда пришел или куда ушел какой-либо отряд» [Там же, л. 66, 74].

Учитывая то обстоятельство, что в первые годы формирования большевистской диктатуры де-факто была подорвана сама основа жизни национальных общин полуострова вследствие репрессивного характера социальной политики Советской власти, «бело-зеленые» пытались активно апеллировать к национально-религиозному фактору. Приведем отрывок еще одного показательного документа: «10 июня вблизи гор. Алушты на мусульманский праздник сошлись из ближайших деревень татары для общего празднования. Туда же прибыла банда в составе около 150 человек конных при двух пулеметах. Банда имела намерение воздействовать на мусульман и совместно с ними занять гор. Алушту. Для этой цели бандиты отпустили на праздник одного быка и 25 пудов хлеба, разбрасывали воззвание национально-религиозного характера, призывая татар соединиться для защиты веры и *активно выступить* (выд. нами. — А. И.) против <...> власти», — сообщалось 21 июня 1921 года в оперативной сводке КОЧК [Там же, л. 67]. В указанный период, по данным органов ВЧК, почти все мусульманское население Крыма симпатизировало повстанцам [Там же, л. 74].

Вместе с тем власти умело использовали слабые стороны повстанческого движения, а именно — отсутствие у него единого руководящего центра, единой и, главное, разделяемой большинством крымского населения идеологии. Нередко в действиях «бело-зеленых» превалировали эмоции, а не стратегические выверенные шаги, для некоторых групп характерными были действия откровенно уголовного характера.

Отмена продовольственной разверстки 31 мая 1921 года и замена ее почти вдвое меньшим продовольственным налогом [Семин и др., 1957, с. 142; Очерки по истории Крыма ..., 1964, с. 20], постепенный переход от принципов военного коммунизма к новой экономической политике, начало наделения земель нуждающихся крестьян (июль 1921 года) [Крымская АССР ..., 1990, с. 59] способствовали политической переориентации крестьянства на сотрудничество с Советской властью. На этом фоне Полно-

мочной Комиссией по делам Крыма при ВЦИК и СНК в июле 1921 года были инициированы успешные для властей переговоры о сдаче вооруженных формирований на началах широкой амнистии, в результате которых значительная часть повстанцев сложила оружие [Ишин, 2002, с. 16—17].

Тем не менее «затишье» продолжалось не более месяца. В соответствии с оперативными материалами Крымской чрезвычайной комиссии и Частей особого назначения Крыма, осенью 1921 года новая волна вооруженного антибольшевистского движения охватила практически весь Крымский регион, с наибольшей остротой проявившись в сентябре 1921 года в Бахчисарайском и Ялтинском, а позднее в Феодосийском округах. Так, в милицеском рапорте от 8 сентября 1921 года сообщалось: «... сегодня появился какой-то отряд из 40 человек в деревне Ангара (ныне с. Перевальное в Симферопольском районе. — *А. И.*) и производит ограбление мирного населения <...> Такой поступок отряда дает повод думать, что это могут быть зеленые ...» [ГАРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 93, л. 330]. 10 января 1922 года в суточной сводке Крымской ЧК отмечалось: «... Отряд генерала Бабочкина перебросился из Тамани на Перевал (очевидно, отряд Бабочкина временно покидал территорию Крыма. — *А. И.*). Им ограблено 97 пудов картофеля, принадлежащего сельскохозяйственному Алуштинскому Товариществу. При ограблении бандиты выдают расписку, сколько и чего ими взято. Налеты на Перевале продолжаются ...», — [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 8.]. По нашему мнению, основной причиной нового всплеска «политического бандитизма» выступил голод, остро ощущавшийся уже в сентябре-октябре 1921 года и повлекший за собой недовольство крестьянства еще недавно сравнительно «либеральным» продналогом.

Несмотря на арест ранее сдавшихся лидеров повстанческих групп, «политический бандитизм» (согласно определению документов советских органов) давал о себе знать и в конце 1921, и в 1922 годах. В пользу «политической» составляющей деятельности вооруженных отрядов неоспоримо свидетельствует их идеологическая работа, зафиксированная оперативными материалами органов Всероссийской чрезвычайной комиссии и Частей особого назначения. Так, например, руководитель одного из активнейших и наиболее опасных для властей отрядов Сергей Захарченко (убит в конце 1921 года. — *А. И.*) именовал себя анархистом и награбленное часто раздавал крестьянам, поэтому у части населения пользовался серьезной поддержкой. Отряд Захарченко имел даже свое знамя, на котором было написано: «Дорогу детям пролетариата» [Орлов, 1987, с. 24].

Руководитель другой повстанческой группы — белый офицер Иван Дуб называл себя «страдальцем за истерзанную Русь», вел среди населения политическую агитацию, обещая за поддержку все необходимое

[ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 115, 118]. Согласно сводке ЧК по Севастопольскому району, около деревни Чергонь действовала вооруженная группа, которую возглавлял «татарский офицер, *националист* (выделено нами. — *А. И.*), помещик» [Там же].

Важную роль в поддержке повстанческого движения сыграли многочисленные подпольные организации антибольшевистской направленности. Крайне важное (и показательное) место в истории антибольшевистского подполья в Крыму занимает, в частности, организация Михаила Дионисьева (он же белогвардейский полковник Боженко), установленная органами ВЧК в 1921 году в Симферополе и Бююк-Онларском районе (ныне пос. Октябрьское Красногвардейского района. — *А. И.*). Организацию удалось ликвидировать только в 1922 году. Согласно сообщениям газеты «Красный Крым» от 27 июня и от 22 августа 1922 года, было арестовано 83 участника подпольной группы. В их числе оказались зажиточные крестьяне, бывшие врангелевские офицеры и представители духовенства [Надинский, 1958, с. 138]. Лидер организации Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки, содержащей ряд высказываний антисемитского содержания, а также элементы программ меньшевиков, эсеров, анархистов, кадетов и некоторых крайне правых дореволюционных партий [Ишин, 2002, с. 20—22]. По нашему мнению, этот документ представлял определенную опасность для пока еще неустойчивой власти большевиков, так как привлекал симпатии самых широких, по-разному настроенных слоев населения. Большого внимания заслуживает то обстоятельство, что Михаил Дионисьев адресует свою программу населению всей Советской России, а не только Крыма.

Общая картина антибольшевистского движения была бы неполной, если бы мы не затронули вопрос о таком явлении, как контрреволюционная агитация. С нашей точки зрения, основанной на изучении архивных, в первую очередь оперативных, материалов, можно выделить несколько направлений такой агитации. По характеру она могла выражаться в устной и письменной (путем распространения листовок, воззваний и т. п.) формах. По содержанию была направлена на 1) призывы к вооруженному свержению власти большевиков, 2) срыв каких-либо отдельных мероприятий Советской власти (например, продразверстки), 3) организацию вооруженных групп, 4) привлечение симпатий к определенным, оппозиционным большевикам, политическим силам (так, очень распространена была «эсеровская» агитация [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 104, 107]), 5) проявление стихийного возмущения по какому-либо отдельному поводу (например, упоминавшиеся выше призывы к разгрому заготовительной конторы с целью «достать

хлеба», призывы к забастовкам, которые в ряде случаев достигали успеха [Там же, д. 135, л. 8]), 6) устрашение населения («скоро власть должна перемениться», «скоро с большевиками расправятся» [Красный Крым, 1921, 1 декабря]), 7) просто открытое возмущение действиями властей.

Здесь важно отметить, что практически все перечисленные направления, за исключением последних двух, предполагали в той или иной степени организацию агитируемых в определенные, разной степени сплоченности группы (что зачастую удавалось). Следует также подчеркнуть, что нередко в процессе агитации использовалось сразу несколько из обозначенных направлений. Так, например, бывший служащий белой контрразведки Абляз Абдрефи агитировал советских милиционеров организовать под его руководством отряд для борьбы с красными и при этом говорил о скором приходе английских войск [Красный Крым, 1925, 4 февраля; Красный Крым, 1925, 5 апреля].

Состав агитаторов также был многообразен. Агитация велась, во-первых, членами подпольных антибольшевистских организаций, во-вторых, участниками отрядов «бело-зеленых» и, в-третьих, отдельными, не связанными с подпольем гражданами. Они вели работу среди разного по субъектному составу агитируемых контингента: мирного населения, самих представителей советской власти (к примеру, А. М. Меркулов агитировал милиционеров конного отряда против выступления в горы для борьбы с «бело-зелеными» [ГАРК, ф. Р-1881, оп. 1, д. 1, л. 9]), а иногда и среди «зеленых» с целью активизации их деятельности. Так, мусульманский проповедник убедил членов отряда ротмистра Абадзе «объявить “священную войну” большевикам и для этой цели они хотят <...> занять какой-нибудь пункт и объявить мобилизацию татар» [ГАРК, ф. 1. оп. 1, д. 69, л. 66]. В целом можно утверждать, что контрреволюционная агитация в конце 1920 — 1922 годах являлась по преимуществу вспомогательным средством, катализирующим вооруженное антибольшевистское движение, являвшееся в тот период основным вектором протестных выступлений.

Неизбежное в условиях новой экономической политики сокращение социальной базы крымской контрреволюции, несомненно, сказалось на значительном уменьшении по сравнению с предыдущим периодом собственно вооруженной борьбы. В 1923 году выступления «бело-зеленых» имели, скорее, эпизодический характер, даже несмотря на факты целенаправленной заброски со стороны Турции специальных агентов из числа бывших белогвардейцев [ГАРК, ф. Р-3285, оп. 2, д. 91, л. 69], что в решающей мере обусловлено постепенным преодолением последствий голода и в целом «издержек» политики военного коммунизма, свойственных периоду гражданской войны [Ишин, 2018].

Вместе с тем все больший «удельный вес» неизбежно стали приобретать невоенные формы сопротивления тем или иным действиям властей, возникающие зачастую стихийно и не преследующие далеко идущих целей. Как и ранее, в 1923—1925 годах имели место забастовки рабочих по причине невыплат заработной платы [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 253, л. 21].

3.3. Настроения крымского населения и основные векторы проявления протестных настроений в 1923—1925 годах

Широкое распространение среди крестьян получило укрывательство посевов от обложения, принявшее массовый характер. Так, в Кишлавском сельсовете (ныне с. Курское Белогорского района. — *А. И.*) было обнаружено 300 десятин скрытых посевов, в деревне Каравоз (ныне с. Первомайское Кировского района. — *А. И.*) — до 390 десятин [ГАРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 8, л. 56, 70].

Значительное распространение, особенно в зажиточных селениях, получило саботирование землеустроительных работ, обусловленное тем, что мощные хозяйства могли обрабатывать значительно большую часть земли, чем им полагалось по нарезке. Так, например, в Евпаторийском районе, в деревне Абул, крестьяне заявили землемеру: «Вы можете к нам не приезжать, так как мы Вам не дадим подводу и землю нарезать не будем» [Там же, л. 60]. Органами ГПУ отмечались также случаи волнений по причине неправильной, с точки зрения крестьян, нарезки. Так, в Ак-Мечетском сельсовете Евпаторийского района крестьяне отказались брать нарезанную землю из-за того, что сочли ее каменистой и для обработки непригодной. Было выдвинуто требование, чтобы им нарезали землю, принадлежащую соседней деревне Токи [Там же, л. 61].

Волнения вспыхивали также на почве конфликтов между частными и коллективными землепользователями, которых в рассматриваемый нами период было меньшинство. Например, в сводке ГПУ Крыма сообщалось, что 27 мая 1925 года «группой граждан деревни Чолгары (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское. — *А. И.*) Симферопольского района) в числе до 30 человек, под предводительством селисполнителя и наиболее зажиточных крестьян явочным порядком разделили принадлежавшую коммуне “III Интернационал” землю. На увещания членов коммуны и просьбу подождать приезда представителей власти захватчики не обратили внимания. Члены коммуны осыпались площадной бранью, а один из них получил удар от крестьянина из числа предводителей. Захватчики обвиняли Соввласть в том, что она “настроила всевозможные буржуазные совхозы и коммуны, которым здесь не место”, и в противоположность им выставляли крестьян-одиночек. Эта выходка со стороны крестьян указан-

ной деревни не первая. Несколько ранее они самовольно запахали землю коммуны, не допустив к работе трактора» [Там же, л. 54].

Со всеми формами сопротивления большевистской модели Советской власти тесно было связано такое явление, как политическая агитация. В 1923—1925 годах имели место все те ее виды, которые были свойственны и предыдущему периоду (конец 1920—1922 годов), однако в связи со значительным сокращением вооруженной борьбы серьезно возросло политическое значение агитации, направленной на невоенные формы сопротивления.

Так, например, согласно данным ГПУ, на Севастопольском судоремонтно-строительном заводе «образовалась группа рабочих (численностью около 10 человек), которая ведет антисоветскую агитацию и призывает рабочих к активному требованию своевременной выдачи зарплаты» [Там же, л. 53]. По тем же данным, в Севастопольском районе «среди безработных имеет место агитация за организованное выступление со своими требованиями по примеру других государств, о которых пишут в газетах. Циркулируют слухи об объявлении в ближайшем будущем войны СССР Англией и Францией» [Там же, л. 60]. В деревне Ишунь Джанкойского района при постройке школы гражданин Гарбуз говорил крестьянам, что «за это они могут поплатиться головами, так как воспользовались экономией бывшего помещика Сырача, и никто не уверен в том, что он [не] может возвратиться с белыми» [Там же, л. 64]. В том же районе (Мешеньский сельсовет) бывшая крупная собственница гражданка Дубс призывала крестьян «не посылать детей в школы, где их учат ненужному <...> Она проклинает Ленина и весь руководящий орган Соввласти ...» [Там же, л. 73].

Большое воздействие на население (особенно на мусульманское) имела религиозная агитация, нередко носившая национально-политический оттенок. Так, в одной из сводок ГПУ отмечалось, что в деревне Мовлюш (Керченский район) «несколько мулл говорили собравшимся: “Мы видим, что вы веруете в Бога и поэтому с гордостью можем сказать, что ни один из вас не будет коммунистом и комсомольцем, как нет и до сих пор”. (Муллы хорошо развиты и имеют огромное влияние на татарское население)». В той же сводке отмечалось, что в ряде населенных пунктов Керченского района «благодаря усиленной подписке на религиозные журналы подписка на местную газету “Красная Керчь” <...> совершенно прекратилась» [Там же, л. 56].

В другой сводке не без тревоги сообщалось, что «в Барыньском сельсовете Джанкойского района среди мулл с большим интересом обсуждаются газетные сообщения и предположения о скором падении Соввласти» [Там же, л. 73]. Мулла деревни Камышлы (Севастопольский район) распространял «слухи о том, что в Константинополе полтора месяца назад был духовный съезд мусульман, где в числе делегатов присутствовал представитель

от Крыма <...> Представитель <...> будто бы сказал, что Соввласть побуждает насильственным путем крестьян-татар брать землю у помещиков, что запрещено мусульманским законом, и что в связи с этим крестьяне Соввластью крайне недовольны» [Там же, л. 74].

В то же время, согласно данным ГПУ Крыма, «среди русских религиозность сравнительно слабее, но все же наблюдаются местами случаи поддержки крестьянами церквей и духовенства. Например: в деревне Александровка (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское. — *А. И.*) Симферопольского района) попу удалось добиться того, что крестьяне собрали средства для ремонта церкви <...> В эту деревню в конце мая (1925 года. — *А. И.*) приезжал архиерей и в проповеди призывал верующих “не слушать смутьянов-коммунистов, так как за это накажет Бог” и т. п. Проповедь архиерея сыграла довольно большую роль в смысле усиления религиозности граждан деревни» [Там же, л. 57].

По всем случаям антибольшевистской агитации органами ГПУ Крыма велась «детальная» или «особая разработка».

4. Заключение = Conclusions

Вооруженное антибольшевистское движение в Крыму представляло собой особый период в развитии выступлений против Советской власти на юге России, спровоцированных навязыванием новым государством военно-коммунистической модели. Антибольшевистские выступления на территории Крымского полуострова отчетливо подразделяются на два больших этапа: первый — конец 1920 — 1922 и второй — 1923 — 1925-й годы. На первом этапе антибольшевистские выступления приняли характер широкого повстанческого движения, второй этап в большей степени характеризуется эпизодическими проявлениями протестных настроений.

В развитии вооруженного антибольшевистского движения, в свою очередь, также можно выделить два временных отрезка. Первый длился приблизительно с начала декабря 1920 года до конца июля 1921 года, то есть с начала активной деятельности вооруженных групп до подписания рядом их руководителей мирных соглашений с большевиками, после которого наступило временное «затишье». Второй датируется приблизительно концом августа — началом сентября 1921 года и концом 1922 года, то есть начало его совпадает с новым всплеском движения «зеленых», а конец — с разгромом организованного антибольшевистского движения, хотя отдельные немногочисленные разрозненные отряды «бело-зеленых» проявляли свою активность и в 1923 году.

В мае-июне и осенью 1921 года для власти большевиков в Крыму существовала реальная серьезная угроза, и все же, с нашей точки зрения,

на втором временном отрезке вооруженное антибольшевистское движение развивалось более стихийно и было менее опасно, чем на первом.

На протяжении рассматриваемого в статье периода, наряду с деятельностью повстанческих отрядов и подпольных организаций, имели место стихийные выступления, которые могли носить и вооруженный, и невооруженный характер. В деятельности вооруженных групп была ярко выражена этнонациональная компонента, что, в частности, выразилось в характерных формах агитационно-вербовочной работы среди местного населения.

Наряду с системным переходом к новой экономической политике в стабилизации ситуации важную роль сыграло образование в октябре—ноябре 1921 года Крымской АССР и постоянных органов власти, пришедших на смену ревкомам. У власти появились новые механизмы решения национально-культурных проблем, что также сыграло общую положительную роль в нормализации социально-политической жизни в регионе.

Источники и принятые сокращения

1. *В Крыму* после Врангеля (заметки очевидца) / Предисловие и подготовка текста В. В. Лаврова, комментарии А. В. Мальгина // Крымский Архив. — 1996. — № 2. — С. 59—63.

2. *Газета «Красный Крым»*, 1921, 1 декабря; 1925, 4 февраля; 1925, 5 апреля.

3. ГАРК—Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. (Крымский обком РКП (б)). Оп. 1. Д. 69. Л. 19—118. Д. 91. Л. 22, 68 об., 74. Д. 135. Л. 8—9. Д. 253. Л. 21. Ф. Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР). Оп. 1. Д. 8. Л. 53, 54, 56, 57, 59, 60, 61, 64, 68, 70, 73, 74. Ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет). Оп. 3. Д. 93. Л. 330. Ф. Р-1881 (Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности). Оп. 1. Д. 1. Л. 9. Ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР). Оп. 2. Д. 91. Л. 69.

4. *Султан-Галиев М. Х.* О положении в Крыму / М. Х. Султан-Галиев; Предисловие, подготовка текста и комментарии С. А. Усова // Крымский Архив. — 1996. — № 2. — С. 83—97.

5. *Шмелев И.* Солнце мертвых. Эпопея / И. Шмелев // Пути небесные. Избранные произведения. — Москва: Советский писатель, 1991. — С. 23—152. — ISBN 5-265-01216-8.

Литература

1. *Дементьев Н. Е.* История Крыма / Н. Е. Дементьев, А. Г. Зарубин. — Симферополь: Атлас, 1993. — 16 с.

2. *Борьба большевиков за власть Советов в Крыму* / Ответственный редактор И. С. Чирва. — Симферополь: Крымиздат, 1957. — 295 с.

3. *Десять лет Советского Крыма.* Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920—1930 / Под редакцией товарищей Козлова, Антонока, Кудрявцева и др. — Симферополь: Крымское государственное издательство, 1930. — 559 с.

4. *История городов и сел Украинской ССР.* Крымская область / Председатель редакционной коллегии Л. Д. Солодовник. — Киев: Институт истории АН УССР, 1974. — 624 с.

5. Ишин А. В. Документы «военно-революционных структур Крыма 1921—1922 гг». — важный источник по изучению истории Гражданской войны в России / А. В. Ишин, В. А. Ишина // Научный вестник Крыма. — 2016. — № 4 (4). — С. 17.
6. Ишин А. В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму : год 1921-й / А. В. Ишин // Крымский Архив. — 2002. — № 8. — С. 11—25.
7. Ишин А. В. Социально-исторический феномен повстанческого движения в Крыму : 1923 год / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. — 2018. — Т. 5. — № 2. — С. 203—209. — DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-2-203-209.
8. Колонтаев К. В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. — октябрь 1921 г.) / К. В. Колонтаев // Революция и Гражданская война 1917—1920 годов : новое осмысление. Крым. Ялта. 10—18 ноября 1995 : Материалы. — Симферополь : Крымский Архив, 1995. — С. 60—62.
9. Крымская АССР (1921—1945). Вопросы — ответы / составитель Ю. И. Горбунов. — Симферополь : Таврия, 1990. — Выпуск 3. — 320 с.
10. Марков К. А. Махно и Гражданская война в Крыму / К. А. Марков // Революция и Гражданская война 1917—1920 годов : новое осмысление. Крым. Ялта. 10—18 ноября 1995 : Материалы. — Симферополь : Крымский Архив, 1995. — С. 71—73.
11. Мельгунов С. П. Красный террор в России : 1918—1923 / С. П. Мельгунов. — Москва : РУС, 1990. — 208 с. — ISBN 5-7095-0007-0.
12. Надинский П. Н. Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921—1925 гг.) / П. Н. Надинский // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма : сборник статей / ответственный редактор И. С. Чирва. — Симферополь : Крымиздат, 1958. — С. 123—155.
13. Орлов Г. С. Тревожные будни : Очерки о чекистах / Г. С. Орлов. — Симферополь : Таврия, 1987. — 192 с.
14. Очерки по истории Крыма. Часть III. Крым в период социалистического строительства (1921—1941 гг.) / под общей редакцией И. С. Чирвы. — Симферополь : Крым, 1964. — 222 с.
15. Петров В. Л. Боротьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920—1921 рр. / В. Л. Петров // Український історичний журнал. — 1970. — № 11. — С. 128—132.
16. Семин А. С. Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти (ноябрь 1920 г. — ноябрь 1921 г.) / А. С. Семин, А. А. Горчаков // Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе. — Симферополь, 1957. — Т. XXVIII. — С. 129—145.
17. Тимошук А. В. Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 — август 1921 гг.) / А. В. Тимошук. — Симферополь : Таврия, 1996. — 190 с.
18. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921 — 1923 гг.) / И. Я. Трифонов. — Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1964. — Часть 1. — 311 с.

Material resources

In the Crimea after Wrangel (eyewitness notes). (1996). In: *Crimean Archive*, 2: 59—63. (In Russ.).

Newspaper “Red Crimea”, 1921, December 1; 1925, February 4; 1925, April 5. (In Russ.).

Shmelev, I. (1991). The Sun of the Dead. Epic. In: *The Ways of heaven. Selected works*. Moscow: Soviet Writer. 23—152. ISBN 5-265-01216-8. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Crimea. F. 1. (Crimean Regional Committee of the RCP (b)).. F. R-1108 (Supreme Court of the Crimean ASSR). F. R-1188 (Crimean Revolutionary Committee). F. R-1881 (Simferopol City Emergency Commission for Combating Counterrevolution and Crimes by position). F. R-3285 (Special purpose units of the Crimean ASSR). (In Russ.).

Sultan-Galiev, M. H. (1996). On the situation in the Crimea. *Crimean Archive*, 2: 83—97. (In Russ.).

References

Chirva, I. S. (ed.). (1957). *The struggle of the Bolsheviks for the power of the Soviets in the Crimea*. Simferopol: Krymizdat. 295 p. (In Russ.).

Crimean ASSR (1921—1945). Questions and answers, 3. (1990). Simferopol: Tavria. 320 p. (In Russ.).

Dementiev, N. E., Zarubin, A. G. (1993). *The History of the Crimea*. Simferopol: Atlas. 16 p. (In Russ.).

Essays on the history of the Crimea. Part III. Crimea in the period of socialist construction (1921—1941). (1964). Simferopol: Crimea. 222 p. (In Russ.).

History of cities and villages of the Ukrainian SSR. Crimean region. (1974). Kiev: Institute of History of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. 624 p. (In Russ.).

Ishin, A. V. (2002). Unknown pages of the Civil War in Crimea: the year 1921. *Crimean Archive*, 8: 11—25. (In Russ.).

Ishin, A. V., Ishina, V. A. (2016). Documents “military revolutionary structures of the Crimea 1921—1922” — an important source for the study of the history of the Civil War in Russia. *Scientific Bulletin of the Crimea*, 4 (4): 17. (In Russ.).

Ishin, A. V. (2018). Socio-historical phenomenon of the rebel movement in Crimea: 1923. *Problems of the post-Soviet spaces*, 5 (2): 203—209. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-2-203-209. (In Russ.).

Kolontaev, K. V. (1995). Creation and activity of state authorities in the Crimea (November 1920 — October 1921). In: *Revolution and Civil War of 1917—1920: a new understanding. Crimea. Yalta. November 10—18, 1995: Materials*. Simferopol: Crimean Archive. 60—62. (In Russ.).

Markov, K. A. (1995). Makhno and the Civil War in the Crimea. *Revolution and the Civil War of 1917—1920: a new understanding. Crimea. Yalta. November 10—18, 1995: Materials*. Simferopol: Crimean Archive. 71—73. (In Russ.).

Melgunov, S. P. (1990). *Red Terror in Russia: 1918—1923*. Moscow: PUICO; P.S. 208 p. ISBN 5-7095-0007-0. (In Russ.).

Nadinsky, P. N. (1958). The struggle of the Crimean Party organization for the restoration of the national economy (1921—1925). In: *The struggle of the Bolsheviks for the consolidation of Soviet power, the restoration and development of the national economy of the Crimea: Collection of articles*. Simferopol: Krymizdat. 123—155. (In Russ.).

Orlov, G. S. (1987). *Disturbing everyday life: Essays on security officers*. Simferopol: Tavria. 192 p. (In Russ.).

Petrov, V. L. (1970). The struggle for the snake Radyanskoy vlati in the Crimea in 1920—1921 pp. *Ukrainian Historical Journal*, 11: 128—132. (In Russ.).

Semin, A. S., Gorchakov, A. A. (1957). The Revolutionary Committee of the Crimea and its role in the consolidation of Soviet power (November 1920 — November 1921). In:

- Bulletin of the Crimean State Pedagogical Institute named after M. V. Frunze, XX-VIII.* Simferopol. 129—145. (In Russ.).
- Ten years of the Soviet Crimea. A collection dedicated to the tenth anniversary of the Crimean Soviet. 1920—1930.* (1930). Simferopol: Crimean State Publishing House. 559 p. (In Russ.).
- Trifonov, I. Ya. (1964). Classes and class struggle in the USSR at the beginning of the NEP (1921—1923). In: *The struggle against the armed Kulak counter-revolution, 1.* Leningrad: Leningrad University Press. 311 p. (In Russ.).
- Tymoshchuk, A. V. (1996). *Anarcho-communist formations of N. Makhno (September 1917 — August 1921).* Simferopol: Tavria. 190 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.10.2021,
одобрена после рецензирования 02.02.2022,
подготовлена к публикации 23.03.2022.